

МИССИОНЕРСКИЕ СТАНЫ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

MISSIONARY CAMPS AS A SPECIAL FORM OF ORGANIZATION OF SPIRITUAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: HISTORY AND MODERNITY

V. Potapchuk
A. Dobrykh

A. Selivanov (Deacon Alexander Selivanov)

Summary: This article is devoted to the issues of a comprehensive understanding of the historical experience of the educational activities of the Russian Orthodox Church based on the use of a special methodology for such work – the organization of missionary camps. The formation of this methodology is considered in a broad historical context, considering both the events of the prehistory of the origin of the missionary camps, and the main factors that naturally led to the emergence and development of this complex and variable church educational institution. The article substantiates the fact of a stable effectiveness of the functioning of the missionary camps against the background of historical changes in the life of Russian society. It is emphasized that this flexible form of implementation of spiritual and educational strategies proved to be quite successful both in the 19th century and in the current Russian conditions. Nevertheless, the authors of the article pay special attention to the fact that difficult and difficult modern conditions do not allow real and potential subjects of spiritual and educational activities to always achieve success and everywhere in their work based on the use of missionary camps.

Keywords: missionary camp, strategies of missionary work, spiritual and educational activities, indigenous peoples, ethnocultural traditions, inculturation, transformation of lifestyle, socio-humanitarian aspects of mission.

Потапчук Владимир Иосифович

кандидат филологических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
000644@togudv.ru

Добрых Алексей Вячеславович

кандидат социологических наук, Духовная образовательная организация высшего образования Хабаровской епархии Русской Православной Церкви «Хабаровская духовная семинария»;
доцент, Дальневосточный институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции
avd.avch2010@yandex.ru

Селиванов Александр Аркадьевич
(**диакон Александр Селиванов**)

ООО «РН-Комсомольский НПЗ»
selalexanderark@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена вопросам комплексного осмысления исторического опыта просветительской деятельности Русской Православной Церкви на основе использования особой методологии такой работы – организации миссионерских станов. Формирование данной методологии рассматривается в достаточно широком историческом контексте – с учётом как событий предыстории зарождения миссионерских станов, так и основных факторов, закономерно обусловивших появление и развитие этой комплексного и вариативного церковно-просветительского института. В рамках статьи обосновывается факт достаточно устойчивой эффективности функционирования миссионерских станов на фоне исторических перемен в жизни русского общества. Подчеркивается, что данная гибкая форма реализации духовно-просветительских стратегий оказалась вполне успешной как в XIX столетии, так и в нынешних российских условиях. Тем не менее, авторы статьи обращают особое внимание на то обстоятельство, что сложные и тяжёлые современные условия не позволяют реальным и потенциальным субъектам духовно-просветительской деятельности всегда и повсеместно достигать успехов в своей работе на основе использования миссионерских станов.

Ключевые слова: миссионерский стан, стратегии миссионерской работы, духовно-просветительская деятельность, коренные народы, этнокультурные традиции, инкультурация, трансформация уклада жизни, социально-гуманитарные аспекты миссии.

Основной целью исследования в рамках настоящей статьи является комплексный анализ исторического опыта функционирования миссионерских станов как особой формы и методологии организации духовно-просветительской деятельности Церкви, в том числе применительно к задачам современного осмысления вышеуказанного опыта. Согласно официальному определению Священного Синода РПЦ, под «миссионерским станом» следует понимать особый центр миссионерской работы регионального масштаба, координирующий такую деятельность (в том числе развитие связей между приходами), реализующий необходимые стратегии ее методического обеспечения, обеспечивающий качественный уровень переводов богослужебных текстов на языки коренных народов, организующий эффективные стратегии социально-благотворительного

нерским станом» следует понимать особый центр миссионерской работы регионального масштаба, координирующий такую деятельность (в том числе развитие связей между приходами), реализующий необходимые стратегии ее методического обеспечения, обеспечивающий качественный уровень переводов богослужебных текстов на языки коренных народов, организующий эффективные стратегии социально-благотворительного

характера, а также систематизирующий и обобщающий весь опыт такой работы [3, с. 389-390]. При этом важно отметить, что миссионерский стан как особая форма организации миссионерской деятельности и особая институция отличалась высокой степенью как гибкости и адаптивности, так и устойчивости во времени (что наделяет ее, в том числе в современных условиях, свойствами полезного опыта). Иными словами, в рамках весьма длительного исторического периода были сформированы уникальные традиции особой (становой) организации миссионерской работы Церкви, которая стабильно демонстрировала достаточно высокую эффективность, причем в различные эпохи российской истории. Данное обстоятельство, безусловно, предопределяет исключительную важность и значимость такого опыта для разработки и реализации в современных условиях как собственно миссионерских, так и других социокультурно-просветительских стратегий Церкви, особенно с учетом поистине катастрофического характера разрыва эпох и их ценностно-мировоззренческих составляющих в истории России. В этой связи представляется особенно важным многоплановый анализ основных причин и составляющих эффективности рассматриваемого опыта миссионерской работы. Речь в данном случае идет, прежде всего, о гармоничном сочетании, с одной стороны, неизменной гибкости и адаптивности соответствующих миссионерских стратегий; с другой стороны, наличия определенных устойчивых смысловых констант («систем интерпретативных релевантностей» А. Шютца [21, с. 270]), предопределяющих эффективный «функционал» духовно-просветительской работы. Анализируя вышеуказанные условия и составляющие успешности миссий, игумен Серапион (А.Е. Митько) в рамках ряда своих научных статей обращает особое внимание на такие факторы, как «полидискурсивность» [17, с. 102] и «понимание иноверческих парадигм» [14, с. 56]. Кроме того, ученый отмечает исключительную значимость, для успешности миссий, опоры их акторов на «субъект-субъектные парадигмы», в частности, в связи с тем, что «антиномичность» может в какой-то мере помочь раскрыть тайны Божественного несовершенными методами человеческого языка [13, с. 3–4]. В этой связи примечательно, что устойчивую значимость влияний вышеуказанных условий и факторов на эффективность духовно-просветительской деятельности можно увидеть, в частности, в свете фактов истории – как миссии Русской Церкви в целом, так и миссионерских станов (как её особой методологии) в частности.

В рамках русской церковной истории самые первые формы и методики организации миссионерской работы, предшествующие собственно миссионерским станам, можно увидеть ещё в Древней Руси. Достаточно малочисленные священники-миссионеры, проповедуя Евангелие подвластным киевскому князю языческим племенам, объективно никак не могли обойтись без по-

мощников из местного населения, для чего наиболее активные из числа последних должны были сами стать священниками. В указанных случаях миссионерам нередко приходилось на какое-то время возвращаться к своему руководству для принятия епископского сана и последующей хиротонии своих помощников-неофитов. Примечательно, что эти обстоятельства в существенной мере способствовали развитию традиций церковного самоуправления [18, с. 76–77]. В целом же важно отметить, что в Древней Руси единой системы организации миссионерской работы как целостного механизма ещё не существовало, конкретные стратегии разрабатывались и реализовывались преимущественно ситуативно (в значительной мере под влиянием конкретных социально-политических факторов). При всём этом в тех условиях вряд ли у кого-нибудь могли бы возникнуть серьёзные сомнения в эффективности самой методологии миссионерско-просветительской деятельности, возможные претензии гипотетически могли быть обращены лишь к конкретным исполнителям. Объяснить это можно, в частности, тем, что в то время ещё не существовало картин мира, систем ценностей и парадигм, способных составить достаточно серьёзную конкуренцию на интеллектуальном поле проповедей и наставлений миссионеров – адресаты внешних миссий в основной своей массе были носителями примитивно-языческих, фактически первобытных мировоззрений. Можно констатировать, что продуцируемая древнерусскими миссионерами «система интерпретативных релевантностей» (по А. Шютцу) была практически полностью адекватна смысловым пространствам «внешних полей миссионерской деятельности» (по А.Е. Митько [16, с. 290–294]). Кроме того, исключительно важную роль в успехах миссий сыграли такие факторы, как развитие социально-гуманитарной составляющей миссионерской работы, а также общая ориентация Церкви (в отличие от тех же князей) на духовные цели и ценности (на приобретение не материальных богатств и людских ресурсов, а человеческих душ для Царствия Небесного). По мнению известного доктора теологии игумена Серапиона (А.Е. Митько), общая ориентированность деятельности Церкви на цели и приоритеты духовного, сотериологического характера наделяет вышеуказанную деятельность свойствами особой геополитической субъективности [15, с. 23]. Разумеется, в этом отношении огромную роль играл также фактор собственно духовного света Христовой Истины, которую миссионеры несли языческим народам; факторы Божьего промысла и Божьей помощи субъектам миссионерского служения. В рассматриваемом контексте к числу примеров выдающихся древнерусских просветителей, помимо Антония и Феодосия Печерских и митрополита Иллариона, можно отнести также ряд других ярких подвижников, успешно крестивших вятичей, чудь и иные народы (речь идет, в частности, о преп. Кукше, св. Исаяе и св. Леонтии) [2, с. 45; 19, с. 46]. Благодаря стараниям множества выдающихся просветителей-миссионеров

в древнерусском обществе со временем формируются сравнительно устойчивые методологические принципы и стратегии духовно-просветительской работы, в рамках которых роль особых центров миссий (и своеобразных прообразов будущих миссионерских станом) играют архиерейские дома и монастыри. Реализация вышеназванных методологических подходов обеспечила успешность и эффективность, в частности, стратегий приобщения к христианским ценностям ижорских и карельских народов. Тогда же, в эпоху Древней Руси, все большую роль в просвещении языческих племен начинают играть иноки-отшельники.

В эпоху господства Золотой Орды (XIII–XV вв.), а также в последующий период русской истории (XV–XVII вв.) на Руси весьма энергично развиваются особые русские традиции монашества и подвижничества. На севере Московской Руси стремительно растет количество новых обителей: только выходцами из Троице-Сергиевой Лавры было создано около 14 монастырей. При этом также следует отметить, что Церковь в тот период приобретает определенную самостоятельность в отношениях со светскими властями, а духовенство иногда даже выступает в роли своеобразной оппозиции к той или иной политике последних (что способствует росту ее различных социальных функций). Огромное значение в те тяжелые годы приобретают социальное служение и благотворительность Церкви, что наделяет деятельность центров духовно-просветительской работы важными свойствами системности и многоплановости. Кроме того, лесные монастыри, укрытые от вражеских набегов, становятся для многих крестьян не только убежищами, но и особыми хозяйственно-экономическими центрами [4, с. 21]. Более того: иноческие обители приобретают характеристики особых комплексных социально-хозяйственных и социально-благотворительных учреждений. Так, в частности, в Кирилло-Белозерском и Пафнутие-Боровском монастырях были устроены лазареты и церковные школы, а также жилые помещения для бедных; кроме того, там ежедневно кормили сотни людей [2, с. 67]. Что же касается отношений иноков-отшельников с аборигенами Севера, Сибири и т.д., то важно отметить, что монахи-подвижники налаживали с инородцами не только торговые отношения, но и обучали их строительству жилищ, земледелию и т.д., тем самым активно содействуя не только их инкультурации, но и коренной трансформации их уклада жизни (например, из кочевого в оседлый). Примечательно, что всё большую роль в реализации миссионерских стратегий в рассматриваемый период времени начинают играть, помимо лиц духовного звания, также миряне [18, с. 92]. Примером духовно-просветительской деятельности, оказавшей такое комплексное влияние на весь образ жизни коренного народа, можно назвать миссионерское служение святителя Стефана Пермского [7, с. 91–93], а также святителей Гурия и Варсонофия Казанских [1, с. 72]. К XVII столетию

все чаще встречается (речь идет, прежде всего, об освоении Сибири) следующий алгоритм формирования смысловых пространств миссионерской деятельности – со своими «системами интерпретативных релевантностей» (по А. Шютцу). Как отмечали А.А. Люцидарская и Е.Б. Маркачева [6, с. 73; 8, с. 118]), зачастую русскими первопроходцами (например, казаками) в занятой местности изначально строилась крепость, физическим и духовно-смысловым центром которой становился, естественно, храм. Таким образом, осуществлялась интеграция привычных архитектурных и иных символических образов в обживаемое пространство, что наделяло последнее высоким духовным смыслом, обозначая незримое присутствие и участие в происходящем Промысла Божьего [8, с. 118–119]. В дальнейшем именно храмы становились теми центрами, в рамках деятельности которых разрабатывались стратегии и маршруты дальнейших исследований новых земель, переселений казаков и крестьян и т.д. [8, с. 119]. В XVIII веке продолжается планомерное освоение русскими людьми географических пространств, а Церковью полей и пространств реализации стратегий внешней миссии. При этом существенным препятствием для осуществления данных процессов становится радикальная (начиная с реформ Петра I) секуляризация русского общества. Определенный ущерб миссионерской деятельности Церкви нанесла политика в этой сфере правительства Екатерины II (изъятие церковных земель, прекращение финансирования миссий и т.д.). Именно этим в значительной степени объясняется то обстоятельство, что многие миссионеры XVIII столетия недостаточно глубоко и основательно изучали языки, культуры и верования аборигенов, хотя многих из этих инородцев никак нельзя было назвать примитивными первобытными людьми. Радикальные улучшения в этом вопросе начинаются лишь в XIX веке благодаря появлению такой уникальной церковной институции, как собственно миссионерский стан. Концептуальная модель такой качественно новой организационной структуры Церкви была разработана в рамках Алтайской духовной миссии. Это обстоятельство позволяет утверждать, что именно руководство и сотрудники данной миссии сумели, в рамках вышеуказанной концептуальной модели, максимально успешно обобщить и актуализировать многовековой опыт миссионерской работы Русской Церкви. Активная просветительская деятельность среди народов Алтая началась в 1826 году, стараниями архимандрита Макария (Глухарева), впоследствии прославленного в лике преподобных [12, с. 334]. Целью такой деятельности было, помимо собственно проповеди ценностей Православия, активное противодействие традиционным для данной местности верованиям (буддизму и шаманизму). Собственно же Алтайская духовная миссия официально была учреждена в 1828 году; а в 1831 году архимандритом Макарием в селении Майма был основан первый миссионерский стан. Реализация новой концептуальной модели духовно-просветительской работы практически

сразу же полностью себя оправдала. Успешность такого опыта дала возможность архимандриту Макарию основать в ближайшие годы ещё два миссионерских стана: в поселках Мьюта и Улала. Миссионерские станы, созданные в рамках Алтайской миссии, представляли собой своеобразные концептуально-архитектурные комплексы в едином смысловом пространстве. Такие комплексы включали в себя здание храма, административные учреждения и жилые помещения, школу, библиотеку, гостиную, трапезную, аптеку и ряд других составляющих [5, с. 44–45]. Огромное значение для налаживания и развития контактов с аборигенами как с главными адресатами миссии имели такие важные характеристики стана, как его пространственная статичность, адаптированность к местным природно-климатическим условиям и ориентированность на реальные повседневные нужды представителей коренных народов. Эти важные особенности новой организационной формы миссионерской работы предопределили, помимо успешной трансляции адресатам постулатов и ценностей православной веры, активное приобщение коренных жителей к оседлому образу жизни. Со временем в поселке Улала трудами самих (фактически одних) неофитов-аборигенов было построено каменное здание храма [20, с. 152]. В целом же необходимо отметить, что на протяжении всего XIX столетия огромные успехи Алтайской духовной миссии (просвещение народов Алтая, переводы богослужебных текстов на их языки, широкая издательская деятельность и т.д.) в значительной степени можно объяснить именно внедрением новой концептуальной церковно-организационной институции – миссионерского стана. Тогда же, в XIX веке, этот успешный опыт получил распространение и в рамках деятельности других православных миссий.

В советскую эпоху опыт использования миссионерских станов в области духовного просвещения, разумеется, был прерван и практически забыт. С началом активного возрождения в стране православной жизни во второй половине 1980-х годов снова становятся актуальными вопросы разработки оптимальных форм, каналов и методов миссионерской работы. Очень многие теоретические подходы и прикладные наработки дореволюционной эпохи в этой сфере к концу XX века потеряли свою актуальность, стали неадекватными реалиям нового общества. В частности, очень сильно изменились картины мира, мировоззренческие установки и особенности культурно-образовательного уровня всех групп потенциальных адресатов миссий. Кроме того, для миссионеров, работающих с представителями различных коренных народов, особую актуальность стало иметь

российское законодательство, наделяющее особым статусом этнокультуры аборигенов (что стало связано, в частности, с необходимостью подчеркнуто-уважительного отношения к их традиционным верованиям и т.д.) [10]. Все эти обстоятельства предопределили необходимость не только неуклонного совершенствования методологии духовно-просветительской работы, но и разработки все более гибких подходов к диверсификации ее форм и стратегий (включая использование миссионерских станов). В этой связи потребовалось, в частности, ускоренное переосмысление концептуальных основ функционирования различных миссионерских институций и структур (включая станы). В 2017 году Синодальный миссионерский отдел приступил к разработке и реализации современных, адекватных реалиям XXI века стратегий формирования и использования миссионерских станов. Сотрудниками отдела была разработана концептуальная модель миссионерского стана, как комплексной, многоплановой, гибкой и вариативной институции, опирающейся на достаточно сложные и варьируемые внутренние структуры и системы внешних связей (в области экономики, социокультурных и управленческих отношений и т.д.). В настоящее время существенную роль в развитии и функционировании таких институций со всеми их макро- и микросистемными и адаптивно-синергетическими особенностями должны играть современные информационно-коммуникативные и цифровые системы [9]. В 2022 году при Синодальном миссионерском отделе был создан особый Центр поддержки миссионерских станов, призванный на самом высоком уровне обеспечить функционирование и развитие всех необходимых для работы станов инфраструктур и вспомогательных стратегий: материально-технического, административно-управленческого, организационного, научно-исследовательского, информационно-коммуникативного и иного характера [11]. При этом важным фактором эффективности работы станов и в современных условиях остается верность традициям трансляции адресатам православных канонов и ценностей в контексте параллельных (и сопряженных с данными трансляциями) стратегий общего развития их этнокультур как таковых. Данное обстоятельство, в сочетании со стремлением Синодального миссионерского отдела к развитию гибкости, вариативности и адаптивности всех составляющих работы миссионерских станов, дает основания надеяться на наличие потенциальных возможностей для качественной работы (в тех или иных аспектах) вышеуказанных возрожденных церковных институций даже в современных социальных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гермоген, патр. Житие Святых Гурия и Варсонофия Казанских Чудотворцев // Патриарх Гермоген. Жизнеописание. Исторические предания, чудеса и

- прославление. М., 1997. 102 с.
2. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2007. 860 с.
 3. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви (принята Священным Синодом Русской Православной Церкви 27 марта 2007 г., журнал № 12) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Деятельность Русской Православной Церкви. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. Т. 2. Ч. 1. С. 395 с.
 4. Ключевский В.О. Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства. М.: Медиарост, 2014. 44 с.
 5. Крейдун Г., свящ. Алтайская духовная миссия в 1830–1919 годы: структура и деятельность. М.: ПСТГУ, 2008. 200 с.
 6. Люцидарская А.А., Березиков Н.А. Ограждения как знаковая маркировка охраняемого пространства (Сибирь в конце XVI — начале XVIII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 2. С. 72–77.
 7. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: в 13 т. Т. 3. М.: Изд-во Валаамского монастыря, 1995. Т. 3. 690 с.
 8. Макарчева Е.Б. Роль православной церкви в формировании русского социума в Сибири в XVII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, Грамота. С. 118.
 9. Миссионерский институт [Электронный ресурс] // Официальный сайт Екатеринбургской епархии. URL: <https://ekaterinburg-eparhia.ru/building/study/57/> (дата обращения: 27.04.2024).
 10. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федеральный закон от 20.07.2000 №104-ФЗ (ред. от 02.02.2006) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27908/ (дата обращения: 25.04.2024).
 11. Пастыри с открытым сердцем [Электронный ресурс] // Журнал Московской патриархии. URL: http://www.e-vestnik.ru/files/12501/jmp_11_2022_27_missionerskie_stany.pdf (дата обращения: 25.04.2024).
 12. Православное обозрение. М., 1864. Т. 15. 688 с.
 13. Серапион (Митько), игум. Исследовательское поле актора миссии // Культура и искусство. 2019. №5. С.1-7.
 14. Серапион (Митько), игум., Лев (Скляр), иером. История православной миссии и современность // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2017. № 4 (24). С. 52–60.
 15. Серапион (Митько), игум. Миссия и геополитика // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. 2019. Т. 20, в. 2. С.182-190.
 16. Серапион (Митько), игум. Православная миссиология в системе теологического знания: дисс. . . доктора теологии. Москва, 2019. 373 с.
 17. Серапион (Митько), игум., Яковов Д., свящ. Этнокультурные стратегии в современной православной миссии // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2018. № 1 (25). С. 101–110.
 18. Стамулис И. Православное богословие миссии сегодня. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. 448 с.
 19. Толстой М.В. История русской Церкви / М.В. Толстой. М.: Лествица, 1999. 734 с.
 20. Филимонов Д.Д. Материалы для биографии основателя Алтайской миссии архимандрита Макария (М.Я. Глухарева): в 2 т. Т. 2. М., 1887. Т. 2. 225 с.
 21. Шютц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом /Пер. с нем. и англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (Росспэн), 2004. 1056 с.

© Потапчук Владимир Иосифович (000644@togudv.ru), Добрых Алексей Вячеславович (avd.avch2010@yandex.ru), Селиванов Александр Аркадьевич (диакон Александр Селиванов) (selalexanderark@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»